

С последними его словами таймер в верхнем правом углу экрана начал отсчет, и подземелье официально открылось.

Шэн Гуаньюй, опасаясь, что его могут превратно понять, поспешил пояснить:

— Это просто кодовая фраза для активации подземелья.

Увидев подсказку в комментариях от других игроков, которые тоже штурмовали башню, он заранее продумал краткий пересказ сюжета и лишь затем произнес нужные слова.

Чжоу Чэнь выдохнул с облегчением:

— Хорошо, что ты быстро объяснился, парень. А то я уж подумал, что ты извращенец какой-то!

В игре Юнь Цзин, держа в руках мягкую броню, подошла к сотруднику цветочного магазина по имени «Чжун Юй», чье имя красовалось у него над головой, и бережно обняла его.

— Сынок, ты вернулся меньше полумесяца назад, а Его Величество снова издал указ отправить тебя на границу, — произнесла она. — Матушка тревожится, но знает, что императорскую волю нельзя нарушить.

Она смахнула слезинку с уголка глаза, отступила на шаг и протянула ему доспех:

— Эта ткань — шелк Сяньтэн, она не боится ни воды, ни огня. Хоть на ощупь и мягкая, но защитит от клинков и стрел.

Она погладила вышитый на броне узор в виде черепахи и прошептала:

— Я прошила её изнутри и снаружи, чтобы тебе было удобно. Пусть истинный бог Сюань хранит тебя.

На экране Шэн Гуаньюй появился выбор: надеть или не надеть доспех. У духа Чэнь Чжоу в руках была точно такая же броня, вплоть до неаккуратного шва на плече. У Чжоу Чэня возникло дурное предчувствие: этот предмет нельзя надевать.

— «В руках любящей матери нить, на спине странника одежда», — пробормотал Шэн Гуаньюй.
— Божества, духи... Ты смотрел ту пьесу «Ангел Рамиэль»?

Чжоу Чэнь кивнул, управляя курсором мыши.

Сюжет был таков: великая жрица, убитая горем из-за потери дочери Шелли, превратила её тело в сосуд. Она использовала жертвоприношение как приманку, чтобы заманить в этот сосуд беспечного ангела Рамиэля, а затем нарядила её в платье, сшитое для Шелли. С помощью магии она стерла память Рамиэля и назвала её «Любовь». Благодаря её появлению храм вновь

обрел былое величие.

Десятилетиями «Любовь» росла под присмотром матери, не зная ничего, кроме храма, и была вполне счастлива. Ведь мама говорила, что мир за стенами дворца опасен. Обитатели храма жили по строгому распорядку, и никто, кроме жрицы, не покидал пределов святилища.

Так продолжалось, пока однажды туда не заглянул архангел Южань. Он пробил брешь в защитном барьере и столкнулся с «Любовью», игравшей в саду.

— Тебе пора на небо, — бросил Южань, решив, что она просто отлынивает от обязанностей.

«Любовь» впервые видела чужака и не знала, что ответить на его странные слова.

— Уходи, — холодно приказала подроспевшая жрица, увидев архангела, парящего в воздухе.

Почуввав опасность, Южань рассыпался на перья и исчез. Эти перья, стоило им коснуться чего-либо, растворялись, подобно туману. «Любовь» с восторгом бросилась в этот поток перьев. В какой-то момент ей показалось, что на лице матери промелькнула глубокая скорбь, и она невольно прошептала: «Шелли».

«Любовь» не знала, кто это, но понимала: раз мама шепчет это имя даже во сне, значит, этот человек очень важен. С той ночи ей стали сниться сны о маленьком ангеле. Они казались такими близкими. А потом в голове начали всплывать обрывки воспоминаний — о Шелли, о Рамиэле. Она перестала понимать, кто она на самом деле.

И она решила выйти из храма.

Как только её нога переступила порог, острая боль пронзила всё тело, словно пытаясь разорвать её на части. Жрица, следившая за ней через ворона, бросила книгу заклинаний и помчалась следом. Рамиэль вспомнила всё, но платье превратилось в путы, приковавшие её к месту. Она поняла, что всё, чем она владеет — длинные волосы, роскошное платье, удобная обувь — всё это было дано матерью.

Южань, который навещал её каждые два дня, увидел это, помог разрушить оковы и выбраться.

— Любовь! — кричала жрица, догоняя её и умоляя не уходить.

Сердце Рамиэля дрогнуло. Она обернулась, стоя за пределами дворцовой стены, и её ненависть начала утихать. Эта женщина, если не считать попыток удержать её, не сделала ей ничего плохого. Оказалось, что она могла выйти в любой момент — храм не был заперт, просто у неё раньше не возникало такого желания.

— Любовь, вернись ко мне, пожалуйста, — умоляла жрица.

Архангел подошел ближе и снова позвал её:

— Пойдем, Рамиэль. Ломать ангельские крылья во имя любви — величайший из грехов.

Барьер начал исчезать. Рамиэль посмотрела на архангела, затем на жрицу. У той в уголках глаз пролегли глубокие морщины, она словно постарела на десяток лет. Храм за её спиной начал терять краски и рассыпаться, цветы в саду увяли.

Со слезами на глазах Рамиэль сделала шаг к женщине, стоящей на коленях.

— Не подходи, — Южань попытался схватить её, но его рука прошла сквозь пустоту. Он забыл, что ангелы не могут касаться никого, кроме сородичей.

— Ты принадлежишь небу, не позволяй любви связать тебя.

— В небе много «Рамиэлей», но она у меня одна, — тихо ответила та.

Южань больше не стал её переубеждать и молча проводил взглядом, как она вошла обратно в ворота. Время внутри стен словно повернуло вспять: пока барьер закрывался, он увидел, как храм обрел прежний вид. Трава зазеленела, цветы снова распустились. Свободный посланник небес остался заперт в клетке, которую называли любовью.

...

— Шесть лет — это намек на «Шесть врат»? — нахмурился Чжоу Чэнь. — Если да, то срок договора как раз истекает. А если нет, то точка телепортации на одиннадцатый этаж не откроется, и после окончания таймера нас ждет провал. Рискнем?

Шэн Гуаньюй, который уже привык к такому общению, спросил:

— Ты согласен?

Чжоу Чэнь кивнул. Нужно верить, что всё как-нибудь уладится.

Они приняли мягкую броню, прошли через вторые ворота и автоматически вернулись в особняк генерала. Юнь Цзин, увидев, что ткань на броне иссечена, а сам доспех почти цел, облегченно улыбнулась. Только на одно это подземелье в особняке ушло два года.

К началу третьего подземелья у Юнь Цзин оставалось меньше полутора лет жизни. Задание заключалось в том, чтобы найти семь редких ингредиентов для лекарства, способного вернуть

человека с того света. Когда задание было выполнено и Юнь Цзин выздоровела, случилось то, чего опасался Чжоу Чэнь.

— Может, попробуем через кастомные фразы перед выходом намекнуть ей, что Чжун Юй мертв? — предложил Шэн Гуаньюй. — У нас есть еще три попытки.

Чжоу Чэнь согласился. Другого выхода пока не было, ведь то, что их «связывают», было лишь догадкой.

Они продолжили выполнять задания. Юнь Цзин день за днем ждала его в саду, на качелях, которые когда-то смастерил для неё Чжун Юй. Увидев его, она подбежала и взяла за руку:

— Сяо Юй, мы не виделись несколько месяцев, ты снова похудел. Император сказал, что война окончена, ты всё еще должен возвращаться на поле боя?

[Система] Чжун Юй: Больше не нужно.

— Вот и хорошо, — сказала Юнь Цзин. — Мне часто снилось, как ты сражаешься, и я так боялась, что с тобой что-то случится. Молилась, чтобы ты поскорее вернулся.

В задании появилась новая строка: убедить Юнь Цзин отпустить вас в странствие.

[Система] Чжун Юй: Матушка, земли империи огромны, я хочу обойти весь мир, помогая нуждающимся. Путь будет долгим, и я не знаю, когда вернусь. Ты отпустишь меня?

Лицо Юнь Цзин из радостного стало тревожным:

— Ты уходишь? И не вернешься?

[Система] Чжун Юй: Судьба сведет нас снова, если нам суждено встретиться.

— Я не хочу, чтобы ты уходил, Сяо Юй, — сказала она.

На экране появились варианты: остаться или уйти.

— Ты веришь мне? — спросил Шэн Гуаньюй.

Чжоу Чэнь кивнул.

— Тогда оставайся.

Юнь Цзин, услышав ответ, просияла, повела его в дом и сама приготовила целый стол угощений. Так они провели еще несколько десятков дней. В игре один день длился всего пять минут, нужно было лишь выполнять мелкие поручения.

Однажды поздно вечером Юнь Цзин позвала его поговорить. Она выглядела печальной:

— Уходи.

[Кастом] Чжун Юй: Почему ты вдруг передумала?

— На днях я слушала сказителя в чайной, он сказал: «Любовь — это умение отпустить». Если ты хочешь странствовать с мечом в руках, иди.

Шэн Гуаньюй навел мышку на Юнь Цзин и выбрал действие «присмотреться». Чжун Юй слегка поклонился и взял руку Юнь Цзин, приложив её к своей щеке.

[Кастом] Чжун Юй: Он всё еще рядом. Я буду брать его с собой во все уголки мира, а ты живи счастливо.

Юнь Цзин, полная слез, кивнула:

— Слушаю тебя.

Она давно знала, что её Сяо Юй ушел...

На следующее утро Юнь Цзин проводила его до ворот и смотрела вслед, пока он не скрылся из виду.

...

Последние два этажа оказались предсказуемо сложными. Они сражались до тех пор, пока Чжан Цзе не позвал их на обед, и только тогда смогли подняться на вершину.

[Система] Игроки Чжун Юй и Чэнь Чжоу успешно достигли вершины, Камень защиты государства возвращен на место, Древнее царство Чанлэ вновь явлено миру!

[Система] Награда за первое место: осколок Камня защиты государства, экипировка: мягкая броня Сюанью, письмо от Юнь Цзин и другое отправлено на почту!

Экран переключился на карту мира, и скрытое туманом Чанлэ проявилось во всей красе. Оказалось, что за покорение вершины давали рейтинг, поэтому даже после рассеивания тумана многие игроки снова и снова штурмовали башню. Через десять минут после них это

удалось еще 287 группам.

Функционал был полностью восстановлен, и Чжоу Чэнь наконец перестал быть «немым».

[Группа] Чэнь Чжоу: Спасибо.

— Не за что.

[Группа] Чэнь Чжоу: Как думаешь, правильный ли выбор сделала Рамиэль? И много ли искренности было в любви жрицы? Если бы она действительно любила, разве не наказала бы убийцу вместо того, чтобы поскорее найти замену и заставить другого жить чужой жизнью?

Шэн Гуаньюй вспомнил детали сюжета:

— А что, если Шелли и была настоящей жрицей? Ведь в истории говорилось, что никто в храме, кроме жрицы, не покидал его пределов. Возможно, они не то чтобы не хотели, а не могли.

[Группа] Чэнь Чжоу: То есть ты хочешь сказать, что мама Шелли не искала убийцу, потому что была бессильна?

— Представь, — ответил Шэн Гуаньюй, — если барьер был нужен не для того, чтобы удерживать Рамиэль, то в чем его смысл? В конце Рамиэль вышла, и храм начал рушиться. Когда она вернулась, всё восстановилось. Это намекает на некую магическую связь между жрицей и храмом, нечто вроде жизни и смерти, связанных воедино.

Чжоу Чэнь внезапно всё понял. Жрица, трусливая и эгоистичная, годами жила в боли от потери дочери. И хотя она каждый день видела то самое лицо, это лишь напоминало ей, что Шелли мертва. Разве может быть много искренности в таком человеке?

[Группа] Чэнь Чжоу: Понял. Любовь есть, но немного. Больше похоже на фальшь, созданную ради того, чтобы удержать храм, который существовал лишь благодаря её присутствию. Ребенок, жаждущий любви, в итоге оказался в ловушке.

[Группа] Чэнь Чжоу: Значит, любить себя лучше, чем любить других.

— Тук-тук-тук.

— Я вхожу, — сказал Лу Юнь, толкая дверь. — Ты, парень, совсем стыд потерял! «Мамой» называть кого попало!

Шэн Гуаньюй бросил на него холодный взгляд и попрощался с напарником:

— Я выхожу.

[Группа] Чэнь Чжоу: Хорошо!

— Тебя обвели вокруг пальца те мелкие засранцы, — продолжал Лу Юнь, когда Шэн Гуаньюй вышел из игры. — Обращение «мама» — это просто кодовая фраза, она не фиксирована.

Шэн Гуаньюй лишь равнодушно хмыкнул, не принимая это близко к сердцу:

— Сказанного не воротишь.

На ошибках учатся, в следующий раз будет осторожнее.

Лу Юнь улыбнулся:

— Пошли уже, у меня живот от голода урчит.

Шэн Гуаньюй выключил компьютер и спустился вниз. Чжоу Чэнь, забрав награды, тоже вышел из игры. Заниматься сбором материалов было не в его духе, поэтому, пообедав и отдохнув пару часов, он отправился в тренажерный зал. В отличие от других игроков, которые были слишком заняты, чтобы даже пообедать, он неплохо заработал на продаже новых материалов, найденных в разных частях карты.

<http://bllate.org/book/21404/2183996>